

A movie poster featuring a man and a woman in historical or fantasy attire. The man, on the left, wears a dark, textured coat with a fur collar and a brown belt. The woman, on the right, wears a brown, worn leather coat with a fur collar and a brown belt. They are standing close together, looking at each other. The background is a blurred, light-colored landscape.

Людена Гарглоева

Последний мост

Людена Гаглыева

Последний мост

«Автор»

2026

Гаглыева Л.

Последний мост / Л. Гаглыева — «Автор», 2026

«Последний мост» — это история любви, которая не умирает. Одна случайная встреча на кувде. Один долгий взгляд. Одна запись в блокноте пожеланий: «Желаю тебе встретить такого парня, как я, и выйти за него замуж». Таира и Таймураз ещё не знают, что судьба уже связала их невидимой нитью. Но пройдёт всего несколько месяцев — и чужой голос разрушит всё. Ложный слух. Материнская тревога. Недосказанность. И вот они уже далеко друг от друга: она — с разбитым сердцем, он — в армии, а потом в браке не по любви. Пройдёт десять лет, прежде чем правда выйдет наружу. Десять лет потерь, слёз и тихой надежды. Смогут ли они простить? Смогут ли построить мост, который соединит не два берега, а две судьбы? «Последний мост» — это роман о любви, лжи и прощении. О том, что иногда нужно потерять всё, чтобы найти себя. И о том, что настоящие мосты строятся не из стали и бетона — а из веры, терпения и надежды.

© Гаглыева Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Людена Гаглоева

Последний мост

Глава 1

Глава 1. Блокнот пожеланий

Ноябрьское утро выдалось пасмурным, холодным. Тяжёлое небо давило свинцовой серостью, на улице — грязь, лужи, а в воздухе стоит пронизывающий холод, предвестник скорой зимы. В горах уже выпал снег, их вершины облачились в белые одежды, но эта чистая белизна лишь резче подчёркивала унылую слякоть вокруг, наводя тоску на любую мечтательную натуру.

В такую погоду село затихает, съёживается, будто в ожидании долгой зимней спячки. Голые ветви старых яблонь и вишен чернеют вдоль покосившихся заборов, и с них срываются редкие, запоздалые капли. Под ногами хлюпает размытая дождём просёлочная колея вперемешку с пожухлой травой и комьями сырой земли. На досках перекидного мостика через канаву выступил иней, и доски эти глухо, жалостно поскрипывают под шагами. Тишину нарушает только мерный стук капель о перевёрнутое ведро у чьей-то калитки да далёкий, сиплый лай собаки.

Воздух здесь иной — не городской, без примеси пыли и выхлопов. Он пахнет прелой соломой, намокшим деревом и горьковатым дымком из печной трубы, который стелется низко над землёй, цепляясь за мокрые плетни. Кажется, что ноябрь оголяет здесь всё до самой сути: и покосившиеся крыши сараев, и щербатые пни, и душу случайного путника. В этом холоде есть что-то простое и честное, не терпящее суеты. Он оставляет только то, что действительно может согреть: горячую кружку в ладонях или надежду на скорый снег, который укроет всё это белым, чистым одеялом.

Проснувшись очень рано в это воскресное утро, Таира, как всегда, была занята своими мыслями — уходящими далеко, парящими высоко в небе, словно птицы. Она сидела у окна, поджав ноги, и рассеянно рисовала пальцем по запотевшему стеклу. Там, за мутной пеленой, угадывалось хмурое село: мокрая крыша сарая, голые ветви вишни, подрагивающие под порывами ветра, и далёкие белые вершины гор, которые она любила разглядывать в минуты тишины.

Думы её никому не были известны, да она и сама мало что замечала вокруг. Житейские проблемы хоть и тяготили сознание, но улетучивались мгновенно, унося её в далёкие прекрасные края. Там, в глубине её воображения, всегда царило лето: шумели тёплые дожди, пахло скошенной травой и цветущей акацией, а тропинки убегали за горизонт, не зная конца и края. Великолепие мира, который она себе рисовала, не оставляло её ни на минуту, лишь изредка отпуская к повседневным делам. Нужно было убрать свою комнату, разложить вещи по местам, выбрать себе наряд на праздник, помочь матери с домашними делами. А настоящая жизнь начиналась внутри — туда, куда не долетали звуки этого унылого ноябрьского утра и где никто не мог её потревожить.

Вошла мама и тихонько отвлекла Таиру от её размышлений. Она присела на край кровати и, ласково убирая прядь волос с лица дочери, заговорила негромко, но внушительно:

— Давай, Таира, потихоньку собирайся. Времени не так много, а тебе ещё привести себя в порядок. Пойдём, позавтракаем спокойно, без суеты.

Она взяла Таиру за руку и, заглядывая ей в глаза, добавила уже мягче, но с той особенной материнской серьёзностью, которая запоминается на всю жизнь:

— Случай сегодня особенный. Родственников будет много, все захотят с тобой поговорить. Будь приветливой, не отмалчивайся, говори негромко, смотри в глаза, когда к тебе обращаются.

Она помолчала, улыбнулась и добавила уже совсем тепло:

— Азамат вернулся. Целый год не виделись. Служба у него была дальняя, трудная, но ничего — возмужал, говорят. Представляю, как он по тебе соскучился.

Таира встрепенулась. Азамат... Она и сама не заметила, как пролетел этот год. В голове всплыли обрывки воспоминаний: как они детьми бегали по саду, как он учил её лазить на старый тутовник и рассказывал небылицы про далёкие страны. Каким он вернулся? Узнает ли она его?

Устраивался большой кувд, куда были приглашены ближайшие родственники. Азамат проходил службу в армии и спустя год наконец вернулся домой. По словам мамы, это был очень важный день. Ведь сегодня Таире предстояло встретиться с родственниками — с некоторыми впервые в жизни, а кто-то видел её ещё совсем маленькой. Сейчас она стала старше и ещё краше.

Таира обладала необычной, неброской, но запоминающейся красотой. Взъерошенные, пышные волосы средней длины закручивались тугими пружинами, ниспадали вокруг лица и переливались на солнце — от светло-медового оттенка до более тёмного, почти каштанового. Глаза у неё были большие, карие, и они всегда выдавали её задумчивость и мечтательность — казалось, она постоянно смотрит куда-то сквозь собеседника, вглубь себя. Белоснежная кожа трогательно отливалась румянцем на пухловатых щеках. Чуть полные, мягкие губы дополняли лицо, делая его по-юному свежим и открытым. Стройная, миловидная фигура завершала облик — Таира была из тех девушек, чью красоту замечают не сразу, но запоминают надолго.

Так, перебирая свою одежду, Таира едва успела к завтраку. С трудом отогнав привычные мысли, она прибежала на кухню и уселась за стол. Как оказалось, отец уже давно позавтракал и ушёл на работу, но не позже чем в обед обещал вернуться и забрать Таиру с собой. Он тоже любил собираться тщательно, и мать всегда заранее готовила ему одежду. Теперь нужно было успеть собраться и самой.

Мама Таиры всё ещё наставляла её — говорила, как себя вести за столом, что лучше надеть в такую погоду. Сама же она от праздника ловко отстранилась: то и дело отговаривалась, что нет у неё подходящей одежды для такого важного случая, а так бы она непременно

пошла. Таира слушала вполуха, ковыряя ложкой кашу. Мысли её снова норовили улететь куда-то далеко, но мамин голос возвращал обратно.

Так Таира принялась собираться. Мысли её были заняты не только предстоящим кувдом — ещё больше её радовало, что она отправится на праздник с отцом. Больше всех на свете она любила именно его. Любила всё, что было с ним связано: его родственников, его работу, его книги — старые, потрёпанные, пахнувшие типографской краской и временем. Отец был для Таиры человеком необыкновенным. Она восхищалась им без оглядки — его спокойной уверенностью, немногословностью, тем, как он умел слушать и как светлело его лицо, когда он смотрел на дочь.

Таира надела новенькие джинсы прямого кроя, к низу чуть расширенные. По бокам тянулась тонкая линия, выполненная из той же плотной ткани, — простой, но изящный штрих. К джинсам она подобрала свитер красного цвета, свободного кроя, с высоким горлом — как раз для такой промозглой погоды. Мама не зря наказывала одеться теплее: придётся выходить на улицу, встречать гостей и подолгу стоять на холоде.

Свитер был не просто красным — в него оказались вплетены нити чёрного и серого цветов. Получалась ненавязчивая игра оттенков: широкая полоса красного, затем небольшой переход в чёрный, а дальше — в мягкий серый. Но в целом свитер оставался красным, и рукава, связанные из той же алой нити, служили его естественным продолжением.

Приготовления подходили к концу. Волосы, свежeweымытые, пышные и волнистые, без особых усилий легли в объёмную причёску. Их длина была средней, и эта пышность очень шла Таире, обрамляя лицо живым, непокорным ореолом.

С собой она прихватила небольшой блокнот. Это был блокнот пожеланий, появившийся у неё совсем недавно. Таира взяла за привычку передавать его друзьям, чтобы те оставляли записи с наставлениями и добрыми словами. Теперь она собиралась отдать блокнот Азамату, с которым не виделась целый год.

Она очень волновалась. За это время Азамат мог повзрослеть ещё сильнее, измениться. Впрочем, и сама Таира стала другой — старше, спокойнее, глубже. Ей хотелось верить, что брат обрадуется встрече с повзрослевшей сестрой. Таира была старшим ребёнком в семье. Ей всё время приходилось опекать младших сестёр и брата, и эта ответственность давно стала привычной. Но Азамат... Хоть он и был старше на целых пять лет, с ним она чувствовала себя иначе — не старшей, не опекуном, а просто другом. Почти ровесницей. Он никогда не смотрел на неё свысока, и она это очень ценила.

Как же всё могло измениться за время его отъезда? Эти мысли не давали Таире покоя. Ей недавно исполнилось пятнадцать, и только в начале февраля должно было стукнуть шестнадцать. Азамату — уже двадцать. Сможет ли он теперь, возмужавший, прошедший службу, увидеть в ней прежнюю Таиру? Или эта дружба осталась где-то там, в детстве, под старым тутовником?

Отец вернулся, как и обещал, незадолго до полудня. От него пахло морозной свежестью и немного бензином. Он быстро переоделся в приготовленный матерью костюм, поправил воротник перед маленьким зеркалом и, коротко глянув на Таиру, сказал только:

— Ну что, нам пора идти.

Выйдя из дома, отец и Таира отправились на кувд. Мама проводила их до ворот и ещё долго смотрела им вслед, кутаясь в пуховый платок от сырости. В её взгляде читалось всё разом: и гордость за дочь, и лёгкая тревога, и что-то ещё, неуловимое, о чём она не говорила вслух. Таира обернулась на мгновение, поймала этот взгляд и почувствовала, как сердце сжалось от нежности к матери.

Обходя лужи и липкую осеннюю грязь, следуя за отцом, Таира всё ещё думала о предстоящем празднике. Мысли её кружились вокруг одного: как она встретится с братом? Что скажет ему после целого года молчания, редких звонков и коротких писем? Каким он стал теперь, когда за плечами — служба, армейская школа со всеми её строгостями и испытаниями? Таира представляла себе его лицо, но картинка выходила размытой: черты Азамата то проявлялись, как раньше, то ускользали, заменяясь образом повзрослевшего, почти чужого мужчины. От этой неизвестности внутри всё трепетало.

Отец шёл широким шагом, уверенно выбирая дорогу посуше. В его присутствии Таире всегда было спокойно. Он не спрашивал, о чём она думает, не нарушал тишину пустыми разговорами, но само его молчание было тёплым и надёжным. Иногда он оборачивался, проверяя, поспевает ли дочь, и лёгким кивком подбадривал её.

Таира думала и о родственниках. Как её встретят? Ведь многих она не видела годами, а кого-то и вовсе не знала. Помнят ли они её маленькой девочкой с бантами, или для них она уже чужая, выросшая где-то там, в своей мечтательной тишине? Ей хотелось понравиться, показаться воспитанной и достойной своего отца. Особенно перед старшими — она знала, что на кувде у стариков особый взгляд: они замечают каждую мелочь, каждое неверное движение. От этой ответственности ей становилось немного страшно и одновременно торжественно. В конце концов, сегодня был не просто праздник — сегодня её семья собиралась вместе, и она была частью этого большого, разветвлённого рода.

Дорога шла в гору, воздух был пропитан влагой и запахом прелой листвы, а впереди уже слышались голоса, смех, обрывки музыки. Там, за старыми яблонями, куда они направлялись, начинался большой кувд.

Они подошли к распахнутым настежь воротам, и Таира на мгновение замерла, впитывая открывшуюся картину. Двор, обычно тихий и просторный, сегодня гудел, как улей. Повсюду сновали люди: мужчины в тёмных костюмах, несмотря на холод, держались с достоинством, свойственным горцам; женщины в длинных юбках и тёплых жакетках, накинутых сверху, хлопотали у столов, разносили блюда, звенели посудой.

Отец уверенно шагнул во двор, и почти сразу к нему потянулись мужчины постарше — пожимали руку, обменивались сдержанными приветствиями. Таира скромно встала чуть позади, чувствуя на себе внимательные взгляды. К ней тут же подошла женщина, которую она смутно помнила по старым фотографиям, — троюродная тётя, кажется.

— Таира! Не может быть! — всплеснула она руками и тут же притянула девушку к себе, обласкав запахом тёплого хлеба и сухих трав. — Совсем взрослая! Ах, какая красавица выросла... А помнишь, как ты у меня на коленях сидела и в ладошки хлопала?

Таира смущённо улыбнулась, хотя совершенно не помнила этого. Но что-то в голосе женщины — мягкое, родное — отозвалось внутри теплом. Она принялась здороваться, стараясь не путаться в именах, а родственники всё подходили и подходили, и каждый считал своим долгом отметить, как она выросла, как похорошела.

Вдруг гул во дворе словно качнулся в сторону ворот. Таира обернулась и увидела его.

Азамат вошёл не один — его обступили молодые парни, хлопали по плечу, что-то громко и весело кричали. Но он словно и не замечал этой суеты. Высокий, возмужавший, с коротким ёжиком тёмных волос и обветренным, будто высеченным из камня лицом, он выглядел старше своих лет. На нём был строгий костюм, сидевший ладно, но без щегольства, а на груди поблёскивала медаль — видимо, армейская награда.

Таира застыла. Она хотела шагнуть навстречу, но ноги почему-то не слушались. Всё, что она представляла себе, все заготовленные слова — всё вылетело из головы. Она просто смотрела на брата и не могла поверить, что этот взрослый, уверенный мужчина — тот самый Азамат, который когда-то учил её лазить по деревьям и рассказывал небылицы о далёких странах.

Он тоже заметил её. Узнал сразу. Его строгое лицо вдруг осветилось улыбкой — открытой, мальчишеской, той самой, которую Таира помнила с детства. Он оставил товарищей, сделал несколько широких шагов и остановился прямо перед ней.

— Таира... — произнёс он, и в голосе его смешались удивление, радость и что-то ещё, похожее на нежность. — Ну, дай хоть посмотри на тебя.

Он взял её за плечи, чуть отстранил от себя и покачал головой.

— Выросла-то как... Совсем уже невеста. А помнишь, как ты за мной по саду бегала и кричала: «Подожди, я с тобой!»?

Таира почувствовала, как к глазам подступают слёзы — не от грусти, а от переполнявшего её счастья. Она протянула ему блокнот, стараясь, чтобы голос не дрожал:

— Я тут... собираю пожелания. Ты должен написать. Ты ведь старший.

Азамат бережно принял блокнот, словно это была невероятная драгоценность, и вдруг, не удержавшись, притянул сестру к себе и крепко обнял.

— Обязательно напишу, — сказал он. — Ты даже не представляешь, как я скучал.

И Таира, уткнувшись носом в его плечо, вдруг поняла то, о чём боялась даже думать: ни расстояние, ни время, ничто не изменило их. Он остался её братом. Её Азаматом.

Со двора уже звали к столу. Старший из мужчин произносил первую молитву, и шум постепенно стихал, уступая место торжественной тишине.

Таира радостно прошла в дом, пока взрослые рассаживались за столом. Здесь её представили женщинам, которых она видела впервые. Все они были любезны, глядели на Таиру с тёплым, изучающим вниманием, расспрашивали о матери, о брате и сёстрах. Она отвечала сдер-

жанно, стараясь держаться скромно, как и подобает в таком обществе. Но внутри всё ликовало: её приняли, ей улыбались, и в этом не было ни капли притворства.

Отец остался во дворе, с мужчинами. Таира, отойдя к окну, наблюдала за ним и не могла сдержать улыбки. Радость не сходила с его лица — та редкая, открытая радость, которую она видела лишь несколько раз в жизни. К нему то и дело подходили братья: её родные дяди и двоюродные братья отца. Они обнимались, хлопали друг друга по плечам, говорили громко, перебивая и смеясь. Эта картина завораживала Таиру. Обычно отец выглядел иначе: спокойный, смиренный, погружённый в свои мысли, отягощённый заботами. Ему вечно приходилось решать рабочие вопросы, справляться с жизненными трудностями, и во всём этом его неизменным спутником оставалось врождённое спокойствие — глубокое, ровное, как медленная река.

Но сегодня... Сегодня он словно сбросил с плеч целый груз. Стоял среди братьев, такой же высокий, но будто бы легче, моложе, и смеялся. И от этого смеха у Таиры сладко щемило в груди.

«Этот день — особенный», — подумала она, опять замечтавшись у окна. Радостные чувства переполняли её, теснились в душе, не помещаясь. Она и сама не могла бы сказать, отчего именно: то ли от внезапного чувства собственного достоинства, которое подарило ей это собрание рода; то ли от счастья встречи с Азаматом; то ли от витавшей в воздухе праздности и тихой, всеобщей радости, которая сегодня объединила всех этих людей под одним небом и за одним столом.

Отвлеклась Таира только тогда, когда в дом с весёлым визгом вбежала маленькая Камилла. Следом, чуть запыхавшись, вошла Фатима — двоюродная сестра отца, — а за ней и её сын Сармат, серьёзный не по годам мальчик лет десяти. Фатиму радостно приветствовали все присутствующие: женщины потянулись обниматься, зазвучали возгласы «Фатима приехала!», посыпались вопросы о дороге, о детях. Таира искренне обрадовалась тёте — с ней она уже была знакома и всегда чувствовала к ней тёплую привязанность. А вот маленькую Камиллу видела впервые.

Камилле едва минуло четыре года, и она оказалась существом поистине очаровательным. Светлые, почти льняные волосы мягкими колечками обрамляли круглое личико. Глаза — небесно-голубые, прозрачные, как горное утро, — смотрели на мир с любопытством и озорством. Длинные ресницы трепетали при каждом моргании, а на щеках, тронутых лёгким румянцем, то и дело появлялись ямочки, когда девочка улыбалась. Одета она была в нарядное бархатное платье бордового цвета, из-под которого выглядывали белые колготки и крошечные туфельки с блестящими пряжками. Таира сразу же взяла её на руки и больше не спускала — играла, что-то нащёптывала на ушко, и Камилла, поначалу дичившаяся, быстро привязалась к новой старшей подруге.

Когда все приготовления подошли к концу, со двора раздался громкий голос старшего, призывающий к столу. Гости потянулись вниз, в большой зал — длинную просторную комнату, которой пользовались только по особым случаям. Сегодня она словно ожила после долгого молчания. Во всю длину зала тянулись столы, покрытые белыми скатертями, и на них уже начинали появляться первые блюда.

В глубине зала, за аркой, пряталась небольшая кухня. Оттуда доносился горячий, густой дух варёного мяса, чесночного соуса и пряных трав. Женщины-соседки — разного возраста, от молодых невесток до убелённых сединами хозяек, — работали слаженно, как единый механизм. Каждая знала своё место: одна накладывала в тарелки соленья и зелень, другая резала хлеб, третья наполняла кувшины. Никто не суетился, но движения их были быстры и точны.

На заднем дворе, у самого очага, трудились мужчины. Там, над открытым огнём, в огромном закопчённом котле варилось мясо — ароматное, наваристое, пускающее пар в холодный воздух. Мужчины стояли вокруг, переговариваясь негромкими, степенными голосами. Они тщательно следили за процессом. Вот один приподнял тяжёлую крышку, выпуская облако белого пара, вот другой помешал варево длинной деревянной ложкой. Им предстояло достать дымящиеся куски из котла, уложить на длинный деревянный поднос — арынг, — и нарезать перед самой подачей. Делалось это неторопливо, с уважением и к еде, и к гостям.

Неподалёку, под навесом, женщины пекли пироги. Трое — словно три грации осетинской кухни. Первая ловко делила тесто на ровные, будто взвешенные на ладони, шары и распластывала их по припудренному мукой столу. Вторая собирала пирог: укладывала щедрую начинку — картофель с сыром, рубленую свекольную ботву, молотые орехи, тыкву, фасоль — и стягивала края теста к центру, превращая заготовку в тугой шар, который затем мягкими, выверенными движениями превращала в плоский круг. Третья стояла у железной печки, и лицо её, озарённое жаром, светилось сосредоточенным спокойствием. Она отправляла пирог в печь, следила за ним сквозь огненное марево, а когда наступал тот самый миг — доставала его с пылу с жару, смахивала лишнюю муку и щедро смазывала растопленным маслом, отчего корочка начинала лосниться и благоухать на весь двор.

Готовые пироги укладывали стопками по три — священное число осетинского стола, — и горячими, закутанными в чистые полотенца, несли на кухню в глубине зала. Там их нарезали на ровные треугольники и тут же, не давая остыть, выносили к гостям. Пар поднимался над столами, смешиваясь с запахом мяса, свежей зелени и острого перца. Гул голосов, звон посуды, смех, обрывки тостов — всё сливалось в единую, живую музыку кувда.

Таира, всё ещё держа на руках покрасневшую Камиллу, смотрела на это действо и чувствовала, как её переполняет странное, щемящее счастье. Со двора уже звали всех к первому тосту. Праздник набирал силу.

Гости уже сидели за столом. В зале царил тот самый, чуть приглушённый гул, какой бывает перед первым тостом: все расселись, осмотрелись, поправили скатерти и приборы. За первым столом сидели мужчины — строго по старшинству. Ближе к почётному месту, которое занимал старейшина, расположились убелённые сединами мужчины, дальше — мужчины средних лет, отцы семейств. И только в самом конце, ближе к выходу, скромно устроились молодые парни. Мальчишкам же и вовсе не полагалось садиться за стол: они следили за старшими, вовремя наполняли бокалы, носили блюда, бегом возвращаясь на кухню за горячим.

Что-то подавалось холодным: соленья, зелень, нарезанный сыр, закуски. Но основные угощения — мясо, только что вынутое из котла, и пироги, только что из печи, — доставляли к столу непременно горячими, с пылу с жару. Пар поднимался над блюдами, и этот запах кружил голову не хуже молодого вина.

За вторым столом сидели женщины. Тоже по старшинству, как заведено: старшие — ближе к центру, молодые невестки и девушки — ближе к краю. За их столом ухаживали молодые соседки, такие же расторопные, как мальчишки у мужчин. Таира села в самом конце — она была самая младшая из всех собравшихся женщин, а рядом с ней примостилась маленькая Камилла, которая ни за что не хотела отпускать новую подругу.

Но Камилле, маленькой непоседе, не сиделось за столом. Она вертелась, тянулась к пирогам, что-то шептала Таире на ухо и то и дело порывалась убежать. Таира, и сама ещё не привыкшая к долгим застольям, подкрепилась горячими, невероятно вкусными пирогами — тонкое тесто, щедрая начинка, масло, тающее на губах, — и с радостью отпросилась из-за стола. Взяв Камиллу за руку, она отправилась в дом, пока взрослые только начинали разговор.

Мужчины тем временем произносили тосты. Первый, самый главный, — за Всевышнего, за мир и благоденствие. Почтенный старейшина говорил негромко, но слова его, полные достоинства и мудрости, разносились по всему залу. Ему внимали, склонив головы. Потом передали почётный бокал гостю, приехавшему издалека, — и пошла черед здоровьиц: за род, за старших, за тех, кого уже нет за этим столом, за молодых, за виновника торжества. Везде слышались радостные возгласы, одобрителный гул. Женщины сидели скромнее, но и за их столом то и дело вспыхивал смех — звонкий, переливчатый, как весенний ручей. Все приветствовали Азамата: он принимал поздравления, чуть смущаясь от такого внимания, но держался с достоинством.

Тем временем Таира осталась в доме одна с Камиллой. В зале продолжалось празднование, а здесь, в тишине, было слышно только, как потрескивают дрова в печи и как за окном переговариваются редкие прохожие. Некоторые гости из числа молодых только прибывали и заходили во двор, опоздав к началу. Это были друзья Азамата — те, с кем он вырос, кого не видел целый год. Их весело приветствовали, хлопали по плечам, приглашали к столу.

Среди них был Таймураз.

Он вошёл во двор чуть позже остальных, и даже сквозь гомон и суету праздника его появление почему-то казалось тихим. Высокий, рослый, он двигался без суеты, с той естественной уверенностью, которая не требует лишних жестов и громких слов. Широкие плечи, прямая спина, крупные, но ладные руки — во всём его облике чувствовалась спокойная, надёжная сила. Но стоило ему улыбнуться — а улыбался он открыто, чуть застенчиво, — как лицо его преображалось. Большие карие глаза, глубокие и тёплые, светились изнутри, и в них читалась не просто доброта, а что-то большее: умение понимать без слов, редкая способность слушать сердцем. Казалось, этот человек никогда не осудит, не обидит — он из тех, кто встанет рядом в трудную минуту и не попросит ничего взамен. Таймураз был лучшим другом Азамата с самого детства, они выросли вместе, делили одни тропы, одни книги, одни мечты. И если Азамат был огнём — быстрым, горячим, порывистым, — то Таймураз был землёй: прочной, верной, дающей опору.

Таира в этот момент как раз выглянула в окно, укачивая на руках уставшую Камиллу. Она увидела, как во двор вошли молодые парни, как Азамат радостно вскочил из-за стола, чтобы обнять каждого. А потом увидела Таймураза. И сама не поняла, почему задержала на нём взгляд чуть дольше, чем следовало бы.

Может быть, дело было в его глазах. Или в том, как он, единственный из всей весёлой компании, на мгновение остановился у ворот и оглядел двор — внимательно, словно впитывая этот миг. Или в том, как он улыбнулся Азамату, обнимая друга, — без показной радости, а тепло, по-настоящему.

Таира почувствовала, как сердце пропустило один удар, и торопливо отошла от окна.

Она не знала, как его зовут. Не знала, кто он. Но где-то глубоко внутри, в той самой мечтательной глубине, куда она так часто улетала от реальности, уже что-то тихо, едва слышно зазвенело. Как струна.

А за окном Таймураз, ничего не подозревая, прошёл было к столу, но задержался. Прежде чем идти в зал, он решил подняться в дом — нужно было спустить стулья: гостей прибывало, и молодым людям, которые только что пришли, могло не хватить места за столом. Он легко избежал по ступенькам, даже не запыхавшись, толкнул дверь и вошёл в комнату.

И замер. Остановился на пороге, будто наткнувшись на невидимую стену.

У окна сидела девушка. Незнакомая. Свет пасмурного ноябрьского дня мягко ложился на её волосы, и они мерцали — от светло-медового до глубокого каштанового, — словно в них запуталось само солнце, которого так не хватало этому дню. Она держала на руках маленькую Камиллу и что-то тихо нащёптывала ей на ухо, и в этом простом движении было столько тепла, что у Таймураза на мгновение перехватило дыхание.

«Кто это?» — промелькнуло в голове, но ответ не понадобился. Сердце вдруг забилось тяжело и гулко, словно узнало то, чего разум ещё не успел осмыслить.

Таира подняла глаза — и увидела его.

Высокий, широкоплечий, он стоял в дверях, заполняя собой проём, и смотрел. Просто смотрел. Без улыбки, без привычного мужского любопытства — а так, словно пытался что-то вспомнить. Словно они уже встречались когда-то, где-то там, за пределами этого дня и этой комнаты. Таира вдруг почувствовала, как всё вокруг словно отодвинулось: шум со двора, голоса, смех — всё стало тише, как будто кто-то убавил звук мира. Она смотрела на незнакомца, и странное, необъяснимое чувство медленно поднималось откуда-то из глубины — не страх, не смущение, а скорее предчувствие. Предчувствие чего-то важного.

Таймураз первым прервал молчание, прошёл дальше в глубь комнаты, к столу, где были сложены стулья. Двигался он медленно, будто нехотя, и каждое его движение выдавало внутреннюю борьбу: нужно было сделать дело, но что-то держало его здесь, приковав к этой незнакомой девушке.

Таира тут же встала. Следом за ней поднялась Камилла, увидела Таймураза и, радостно взвизгнув, побежала к нему, раскинув руки.

— Дядя Таймураз! Дядя Таймураз!

Он подхватил девочку на руки легко, как пёрышко, но взгляда от Таиры не отвёл. Ни на секунду. И в этом взгляде было что-то такое глубокое, что Таира невольно опустила глаза.

Сердце её забилося часто-часто, и она почувствовала, как к лицу приливает кровь, жаркая, неудержимая. Щёки запылали.

«Почему он так смотрит?.. Почему я не могу отвести глаз?..» — мысли метались, путались, и ни одна не находила ответа.

Оказалось, Камилла хорошо знала Таймураза. Девочка обхватила его шею маленькими ручками и прижалась к плечу, явно не собираясь отпускать. Таймураз бережно придержал её одной рукой, а другой опёрся о спинку стула. Он не двигался. Просто стоял напротив Таиры и смотрел.

Тишина между ними становилась всё глубже и веселей, словно воздух в комнате сгустился. Таира больше не слышала ни возгласов со двора, ни звона посуды, ни смеха. Ей казалось, что весь мир замер, оставив только их троих в этой комнате: её, Камиллу — и его, этого незнакомца с тёплыми карими глазами, которые смотрели на неё так, будто видели насквозь.

Волнение накатило внезапной волной, горячей и острой. Никто и никогда ещё не смотрел на неё так. Без слов, без притворства — а с тем самым вниманием, от которого у любой девушки перехватывает дыхание. Таира почувствовала, как её лицо заливается краской, пунцовой, предательской, и ничего не могла с этим поделать.

Она собралась с силами и снова взглянула на незнакомца — быстро, исподлобья, как смотрят на солнце: нельзя долго, слишком ярко, можно ослепнуть. И робким движением протянула руки к Камилле, молча прося вернуть девочку. Когда его рука случайно коснулась её пальцев, Таиру словно током пронзило. Она вздрогнула. И он, кажется, тоже. Потому что на мгновение задержал это прикосновение чуть дольше, чем требовалось.

Опустив Камиллу, Таймураз посмотрел на девочку, улыбнулся ей — тепло, по-домашнему, — а потом снова поднял глаза на Таиру. Во взгляде его теперь читался немой вопрос. Он словно хотел что-то сказать, но не решался.

Но вместо слов он просто взял стулья — один, второй, — и, бросив последний взгляд на девушку, вышел во двор. Дверь за ним закрылась с тихим, каким-то обречённым скрипом.

Таира осталась стоять посреди комнаты, прижимая к себе Камиллу. Сердце всё ещё кололось где-то у горла. Она глубоко вздохнула, пытаясь унять непонятную дрожь, и уставилась в окно, где серое небо тянулось над горами.

Камилла что-то залепетала, дёрнула её за рукав, и Таира, взяв себя в руки, опустилась на корточки, чтобы поиграть с девочкой. Куклы, лоскутки, нехитрые детские игрушки — всё это постепенно вернуло её в реальность. И спустя несколько минут она почти забыла о странной встрече. Почти.

Лишь изредка, украдкой, она поднимала глаза к окну — туда, где за мутным стеклом шумел кувд. И сама не понимала, почему вдруг стало так беспокойно на душе.

Таймураз же, спускаясь с громоздкими стульями во двор, чувствовал странную тяжесть в груди. Он знал всех в округе, знал эту семью, но эту девушку он раньше не встречал. «Кто она?» — вертелось в голове. И не было ответа. Зато было другое — то, в чём он пока боялся

себе признаться. С первой секунды, с первого взгляда в её карие, задумчивые глаза, что-то в нём дрогнуло. Словно он нашёл то, что не искал, но ждал. Всю жизнь ждал.

Он вошёл в зал, поставил стулья, сел рядом с Азаматом. Друг что-то весело говорил, хлопал его по плечу, наливал в стакан. Таймураз кивал, улыбался, но мыслями был не здесь. Мыслями он всё ещё стоял в той комнате, у окна, и смотрел на незнакомку, чьё имя он пока не знал.

А в зале уже произносили очередной тост. И никто из гостей не догадывался, что в эти самые минуты, тихо и незаметно, началась та самая история. История любви.

Праздник подходил к концу. Гул за столом становился тише, тосты звучали реже, и в зале уже чувствовалась та приятная, чуть усталая расслабленность, какая бывает после хорошего, долгого застолья. Таира ещё пару раз спускалась в зал — воодушевлённая вниманием, раскрасневшаяся от беготни и радостная. Она с удовольствием выполняла все поручения, которые давали ей старшие женщины: отнести грязную посуду на кухню, передать слово соседке, принести чистые салфетки. Ей нравилось чувствовать себя нужной, частью этого большого, слаженного механизма.

Стол, за которым сидели женщины, стали убирать раньше. Женщины, как и всегда, управлялись первыми — аккуратно, расторопно, без лишнего шума. Некоторые мужчины уже разошлись, степенно попрощавшись и поблагодарив хозяев. А вот молодые люди ещё не спешили уходить, и их стол решили пока не убирать.

Так Таира ещё пару раз увидела Таймураза. Он сидел за столом рядом с Азаматом, но почти не участвовал в разговорах. Потом выходил во двор — подышать прохладным ноябрьским воздухом, и всякий раз его взгляд находил Таиру. Она чувствовала этот взгляд кожей — пристальный, тёплый, немного растерянный, — и от этого внутри всё переворачивалось. Таира старательно отводила глаза, делала вид, что очень занята посудой: тёрла и без того чистые тарелки, переставляла чашки с места на место. Сердце колотилось где-то у самого горла, и она сама не понимала, отчего так волнуется.

«Странный молодой человек», — подумала Таира, и больше ничего не приходило ей в голову. Вернее, приходило, но она гнала эти мысли прочь, не желая признаваться себе, что этот незнакомец с карими глазами занял в её воображении куда больше места, чем ей хотелось бы.

Отец позвал Таиру — пора было домой. Она попрощалась с тётей Фатимой, поцеловала сонную Камиллу, которая уже клевала носом на руках у матери, и вышла вслед за отцом во двор. Вечерний воздух обжёг щёки холодом, и Таира поёжилась, кутаясь в свитер. Над горами висела тяжёлая, тёмная туча, но на западе, у самого горизонта, небо уже чуть посветлело, обещая, что и этот пасмурный день когда-нибудь закончится.

Они шли молча. Отец, как всегда, не лез с расспросами, и Таира была ему благодарна за это. Ей нужно было побыть одной — вернее, не одной, а наедине со всеми теми чувствами, что переполняли её после этого дня.

И только дома, уже переодевшись ко сну и забравшись под тёплое одеяло, Таира вдруг похолодела. Блокнот. Она забыла его на подоконнике в той самой комнате, где они играли с Камиллой. Сердце сжалось от досады. Она села в кровати, обхватив колени руками, и уста-

вилась в тёмное окно. Блокнот — её гордость, её маленькое сокровище, куда друзья вписывали пожелания и куда Азамат так и не успел ничего написать. Она ведь специально взяла его с собой. Она так ждала этого момента. И вот — оставила, забыла, проворонила. Как всегда, замечталась и упустила из рук что-то важное.

Таира представила, как завтра в доме будут убирать после праздника. Его либо выбросят, не глядя, вместе со скомканными салфетками и пустыми бутылками, либо найдут дети, Сармат и Камилла, и разрисуют каракулями или порвут. В глубине души ей было очень горько. Блокнот стал для неё почти другом — молчаливым свидетелем её мыслей, хранителем чужих добрых слов. И потерять его вот так, по собственной рассеянности, было обидно до слёз.

Маме рассказывать было нельзя. Та бы только всплеснула руками и принялась отчитывать Таиру за её вечную мечтательность, неосмотрительность и непрактичность. «Вот, — скажала бы она, — опять в облаках витала! А блокнот, между прочим, денег стоит». Нет уж, лучше промолчать.

Так Таира легла спать в тот вечер немного расстроенная и в то же время очень, очень счастливая. День прошёл как нельзя лучше. Она встретила Азамата — повзрослевшего, но всё того же родного. Увидела отца таким, каким редко его видела — молодым, смеющимся, беззаботным. Познакомилась с родственниками, которые приняли её тепло и с интересом. Играла с маленькой Камиллой, помогала женщинам, чувствовала себя частью чего-то большого и настоящего.

И ещё... Она встретила его. Таймураза. Она ещё не знала его имени, но уже помнила этот взгляд.

Таира лежала в темноте и перебирала события дня, словно драгоценные бусинки на нитке. Ей хотелось запечатлеть каждую мелочь в памяти надолго, может быть, навсегда. Вот утренний туман над горами. Вот мамины ласковые наставления. Вот радостное лицо отца. Вот Азамат, обнимающий её крепко, по-братски. Вот горячие пироги, пахнущие маслом. Вот смех женщин за столом. Вот Камилла, доверчиво прижавшаяся к её плечу. И вот — его глаза. Карие, глубокие, смотрящие на неё так, будто он ждал этой встречи всю жизнь.

«Может, и не такая уж хорошая это была идея — заводить блокнот пожеланий? — подумала Таира, засыпая. — Что могут написать люди, чего не может подарить один такой день?»

И с этой мыслью она провалилась в сон — глубокий, спокойный, какой бывает только после больших и важных событий. А за окном ветер раскачивал голые ветви вишни, и где-то далеко, в горах, падал первый по-настоящему зимний снег.

Глава 2. Тайна блокнота

Возвращаясь из школы, Таира рассеянно перебирала в голове обрывки прожитого дня. Уроки прошли как в тумане, и сейчас, шагая по размокшей после недавнего дождя дороге, она даже не могла вспомнить, о чём говорили учителя. Мысли её то и дело улетали далеко — к прошедшему кувду, к весёлому смеху родственников, к горячим осетинским пирогам, к

маленькой Камилле, и — она сама не заметила, как это случилось, — к тому незнакомцу с тёплыми карими глазами.

Таира тряхнула головой, будто пытаясь отогнать непрошенный образ, и прибавила шаг. Ноябрьский ветер пробирался под воротник пальто, холодил щёки, а под ногами хлюпала грязь, перемешанная с пожухлой листвой. Хотелось скорее попасть домой, в тепло, к горячему обеду.

Мать Таиры к приходу детей всегда старалась успеть с приготовлениями. Четверо детей доставляли немало забот, вести хозяйство приходилось самой, а отец много работал, пропадая с утра до вечера, и у него почти не оставалось времени помогать жене. Но, несмотря ни на что, горячий обед неизменно поспевал вовремя. Таира не помнила ни одного дня, когда бы они сели за стол, а на плите не булькала бы кастрюля с душистым супом. Одна только мысль о возвращении домой, где пахнет чем-то вкусным, а мама встречает на пороге, наполняя её уютом и спокойствием.

У самых ворот её вдруг окликнули.

— Стой, Таира! Ты ничего не теряла?

Голос был звонкий и какой-то запыхавшийся, будто его обладательница долго бежала. Таира обернулась и увидела Римму — соседскую девушку, с которой они когда-то дружили, но в последнее время, закрутившись каждая в своих заботах, почти не виделись. Римма была старше Таиры на пару лет, и в её раскрасневшемся от бега лице, в выбившейся из-под тёмного платка пряди волос, в том, как она торопливо сжимала что-то в руке, было что-то загадочное и важное.

— Нет, не теряла, — удивлённо ответила Таира, останавливаясь.

Римма подошла ближе и, всё ещё тяжело дыша, вдруг улыбнулась — тепло, но с какой-то непонятной хитринкой.

— Ну, привет.

— Привет, Римма. Давно не виделись, — отозвалась Таира, вглядываясь в подругу и пытаясь понять, что же такого та прячет в ладони.

— Давно, — согласилась Римма. — И я уже давно хочу тебе кое-что передать.

Она разжала пальцы, и Таира увидела его. Блокнот. Её блокнот. С чуть потёртой обложкой, с уголками, которые она помнила на ощупь, с той самой царапиной на задней стороне, которую она когда-то поставила неловким движением ногтя.

— Твой блокнот, — сказала Римма и протянула его Таире. — Держи. Меня попросили передать тебе.

У Таиры перехватило дыхание. Она не верила своим глазам. Рука сама потянулась вперёд и замерла в воздухе, будто боялась, что блокнот исчезнет, стоит только коснуться. Она уже успела мысленно похоронить его: представляла, как его выбросят вместе с мусором после

кувда, как дети изрисуют каракулями или порвут на клочки. И вот он лежал перед ней — целый, невредимый, настоящий.

— Мой блокнот! — голос Таиры зазвенел от радости, как весенний ручей. — Даже не верится... Откуда он у тебя?

Римма покачала головой и мягко, но настойчиво вложила блокнот в ладонь Таиры.

— Просто возьми. Думаю, ты сама поймёшь, кто его вернул.

Таира хотела было расспросить, потребовать объяснений, но Римма уже отступила на шаг и махнула рукой:

— Ладно, беги домой. Обед стынет. А я пойду, меня мама ждёт.

И ушла — так же быстро, как появилась, оставив Таиру стоять у ворот одну.

Таира долго смотрела ей вслед, прижимая блокнот к груди обеими руками. Внутри у неё всё пело от радости, но к этой радости примешивалось что-то ещё — какое-то смутное, тревожное любопытство. Кто? Кто его нашёл? Кто передал?

Конечно, первым делом она подумала об Азамате. Это было самое простое и логичное объяснение. Брат легко мог заметить блокнот на подоконнике после праздника, вспомнить, как она совала его ему в руки, как просила написать пожелание. Да и на каждой странице упоминалось её имя — не узнать было невозможно. Наверняка он нашёл его позже, когда гости уже разошлись, и, не желая оставлять себе, передал через Римму, как через соседку. Обычное дело, ничего загадочного.

С этой мыслью Таира забежала домой, подняла шум, стала звать маму и, по обыкновению, первым делом помыла руки, прежде чем бежать к столу. Брат и сёстры ещё не вернулись из школы, и они с мамой обедали вдвоём. Мать, как всегда, расспрашивала её об уроках, подкладывала в тарелку добавку, сетовала, что Таира слишком худая. Таира отвечала коротко, рассеянно, и мама, заметив её задумчивость, только вздохнула — привыкла уже к дочкиной мечтательности.

О потере блокнота Таира не сказала ни слова. Как и о том, что он нашёлся. Зачем? Мама бы только расстроилась или, того хуже, принялась бы отчитывать её за ротозейство. Да и как объяснить, что значил для неё этот маленький блокнот? Взрослые не всегда понимают такие вещи. Им кажется, что это просто бумага, просто безделица. А для Таиры блокнот был чем-то вроде якоря — единственной вещью, которая связывала её внутренний, воображаемый мир с миром внешним, настоящим. Через него она, такая замкнутая и вечно витающая в облаках, могла слышать голоса других людей, обращённые к ней.

И только вечером, покончив с уроками и дождавшись, когда в доме всё стихнет, Таира уединилась в своей комнате. Она плотно закрыла дверь, зажгла настольную лампу — старую, с жёлтым абажуром, от которого по комнате разливался мягкий, медовый свет, — и бережно, словно редкую книгу, открыла блокнот.

Она листала страницы медленно, с наслаждением. Вот пожелание от школьной подруги, написанное круглым, ещё детским почерком. Вот смешной стишок, который они сочинили вместе с соседкой по парте. Вот рисунок — кривоватое сердечко, нарисованное когда-то от нечего делать. Все записи были на месте, блокнот ничуть не пострадал. Таира улыбалась, проводя пальцем по строчкам, и внутри у неё становилось тепло и спокойно.

И вдруг она замерла.

На одной из страниц — той самой, что должна была быть пустой, — теперь красовалась запись. Почерк был незнакомый: не девичий, не детский. Ровный, уверенный, мужской. Буквы с лёгким наклоном вправо, как будто тот, кто писал, делал это быстро, но старался выводить каждую линию аккуратно. Чернила были чёрные, и Таира, сама не зная почему, отметила про себя, что это не простая шариковая ручка, а что-то другое — может быть, перьевая.

Она прочла написанное и перестала дышать.

«Желаю тебе встретить такого парня, как я, и выйти за него замуж».

Сердце ухнуло куда-то вниз и тут же взлетело обратно, заколотившись где-то у самого горла. Щёки залило жаром. Таира перечитала ещё раз. И ещё. И ещё. Строчка не исчезала, не расплывалась, не становилась шуткой. Она была. Была по-настоящему.

«Кто... кто это написал?» — билось у неё в голове.

Это был не Азамат. Почерк не его. Брат писал быстро, размашисто, почти неразборчиво, — Таира хорошо помнила его каракули на открытках, которые он присылал из армии. Да и не стал бы он писать сестре такое, даже в шутку.

Затаив дыхание, Таира ещё долго сидела неподвижно, вглядываясь в одну-единственную строчку, которая словно горела на странице. Буквы, выведенные твёрдой мужской рукой, стояли ровно и уверенно, будто тот, кто их писал, ни секунды не сомневался. Строчка эта, дерзкая и в то же время простая, перевернула в душе Таиры всё, что она привыкла считать спокойным и понятным. До сих пор ей желали только привычного — хорошей учёбы, верных друзей, счастливых дней, здоровья близким. Она и сама не ждала от своего блокнота ничего иного. Но это... Это было совсем из другого мира.

«Кто же ты? — мысленно произнесла Таира, и сердце её сжалось. — Кто ты, тот, кто посмел написать такое?»

Она принялась перебирать в памяти события того дня — день кувда, такой долгий, полный лиц и голосов, что даже сейчас, спустя время, он казался ей почти сном. Она вспомнила, как оставила блокнот на подоконнике в дальней комнате, как играла там с маленькой Камиллой, как потом выбежала на зов и больше не возвращалась. Кто заходил туда после неё? Кто мог заметить маленький, ничем не примечательный блокнот, оставленный на пыльном деревянном подоконнике?

И тогда перед глазами её снова встал он. Тот самый молодой человек, которого она встретила в доме у дяди. Высокий, широкоплечий, заполнивший собой дверной проём. Он вошёл так неожиданно, что она даже испугаться не успела — только замерла, чувствуя, как сердце

пропускает один удар, а потом забивается где-то в горле. Его глаза — карие, тёплые и глубокие, как вечернее небо в августе, — смотрели на неё не мигая, и в них было что-то такое, отчего Таира тогда сразу опустила взгляд. А он всё стоял и смотрел. И молчал.

Теперь, стоило только вызвать в памяти этот образ, как сердце Таиры снова предательски вздрагивало. Это было совершенно новое, незнакомое ей чувство — не простое любопытство, не девичий интерес, а что-то глубже и тише. Уважение. Да, именно уважение рождалось в ней при мысли о нём. В его спокойном, ровном взгляде не было ни дерзости, ни насмешки, ни пустого любопытства — только внимание. Словно он видел её насквозь. И даже сейчас, в воспоминаниях, этот взгляд приводил Таиру в странное, задумчивое оцепенение, заставляя забыть обо всём на свете.

И всё же — как он посмел? Как посмел написать такое, не зная её, едва увидев, даже не спросив имени? Что за мысли натолкнули его на эту дерзость, граничащую с наглостью? Таира то убеждала себя, что это непременно был он — тот самый таинственный незнакомец, который вошёл в комнату как к себе домой, а ушёл, унося с собой её покой. То гнала эту мысль прочь, уверяя себя, что выдумывает, что, может быть, это Азамат пошутил, или кто-то из гостей решил подшутить над ней. Но чем дольше она размышляла, тем яснее понимала: почерк не Азамата, да и не стал бы брат писать такое. А чужой человек, случайно зашедший в комнату, не стал бы утруждать себя — искать её блокнот, писать пожелание, а потом передавать через соседку. Нет, это был кто-то, кто видел её. Кто запомнил её.

Совсем юное сознание Таиры ещё не интересовало такое далёкое будущее, о котором говорилось в загадочной записке. Замужество? Муж? В её пятнадцать лет это были слова из взрослой, почти нереальной жизни. Таира думала совсем о другом: об учёбе, об экзаменах, о поступлении в институт. Профессию она выбрала уже давно и шла к ней с той тихой, упрямой уверенностью, которая отличала её от многих сверстниц. Кроме того, Таира увлеклась осетинскими танцами — тем живым, захватывающим дух искусством, в котором сплетались грация и огонь, — и отдавала этому увлечению почти всё свободное время. Ещё она любила рисовать: простым карандашом или акварелью, урывками, когда удавалось уединиться. У неё было много друзей, с которыми она делила и школьные будни, и редкие часы отдыха. Жизнь её была наполнена всем тем, что по-настоящему её интересовало, и казалась ясной и понятной.

Но теперь, после этой короткой записки на пустой странице, всё будто чуть сдвинулось с места. Как будто в знакомой, давно изученной комнате кто-то незаметно переставил единственный предмет — и от этого изменилась вся картина.

Таира больше не могла, как раньше, просто отмахнуться от воспоминаний о той встрече. Она то и дело возвращалась к ним мыслями, перебирая каждую деталь: как он вошёл, как замер у порога, как смотрел на неё, не отводя глаз. Как она смутилась. Как его рука коснулась её пальцев — всего на мгновение, но этого мгновения хватило, чтобы внутри всё перевернулось. Как он вышел, унося стулья, и как тихо скрипнула за ним дверь.

«Кто же ты?» — снова и снова спрашивала она себя, лёжа в темноте и глядя в потолок.

Иногда Таира почти верила, что это был он. А иногда ей казалось, что она всё придумала. Что он, может быть, и не заметил её вовсе. Что блокнот нашёл кто-то другой. Что эта строчка — просто чья-то глупая шутка. Но тогда почему сердце так тревожно сжималось при мысли о

нём? Почему его лицо всплывало перед глазами в самые неожиданные моменты — за обедом, на уроке, перед сном?

Эти вопросы оставались без ответа, а блокнот — с одной-единственной, обжигающей строкой — лежал под подушкой, и Таира, сама того не замечая, перед сном каждый раз касалась его кончиками пальцев, словно надеясь, что страницы расскажут ей больше, чем она могла прочесть.

Прошло ещё пару месяцев. Незаметно, как это всегда бывает, когда дни наполнены делами, подкралось лето — долгожданное, щедрое, настоящее. Наступила та самая пора, когда можно наконец вдохнуть полной грудью тёплый летний воздух, оторваться от учебников и тетрадей и позволить себе проводить время бесцельно, никуда не торопясь, ни о чём не тревожась. Для Таиры, вечно витавшей в облаках, лето всегда было особенным временем — временем, когда её внутренний мир словно расширился, вбирая в себя все краски и звуки окружающей природы.

Установилась прекрасная погода. Солнце, яркое и ласковое, с самого раннего утра заливало светом крыши домов, заглядывало в каждое окно, золотило пыльные просёлочные дороги. Оно высушило последние лужи, оставшиеся после затяжных майских дождей, и теперь под ногами вместо чавкающей грязи лежала тёплая, потрескавшаяся земля. Небо над селом стояло высокое, прозрачное, лишь изредка тронутое лёгкими, как пух, облаками, которые медленно плыли куда-то в сторону гор.

В саду появились первые ягоды. Кусты клубники, ещё недавно покрытые мелкими белыми цветами, теперь отяжелели от алых, душистых плодов, которые прятались под резными листьями. Таира любила выходить в сад по утрам, когда роса ещё не успевала высохнуть, и собирать ягоды в маленькую эмалированную миску — холодные, влажные, пахнущие летом и детством. В палисадниках зацвели цветы: пышные розы всех оттенков — от нежно-розового до густо-бордового, — стройные гладиолусы, скромные бархатцы. Аромат роз плыл по всей округе, смешиваясь с запахом скошенной травы и прогретой солнцем земли. Он проникал в дом через распахнутые настежь окна и оставался там даже к вечеру, когда становилось прохладнее.

Окна в доме теперь не закрывались целый день, и только к ночи, когда воздух делался по-особенному свежим, их прикрывали, но редко запирали до конца — оставляли щёлочку, чтобы в комнаты просачивалась ночная прохлада. Лёгкие занавески колыхались от малейшего дуновения ветерка, и Таира, проходя мимо, всякий раз касалась их рукой, улыбаясь чему-то своему, невысказанному.

Ночь летом наступала медленно, неохотно, будто самому дню не хотелось уходить. Закаты были долгими, малиново-золотыми, и вершины гор на горизонте окрашивались в нежные, пастельные тона. А когда на землю наконец опускалась темнота, небо рассыпалось мириадами звёзд — крупных, ярких, каких не увидишь в городе. Таира часто выходила на крыльцо перед сном, кутаясь в лёгкую кофту, и подолгу стояла, запрокинув голову. Млечный Путь тянулся через всё небо серебристой рекой, и где-то там, в этой бесконечной глубине, ей чудилось что-то вечное и неуловимое.

С каждым тёплым днём температура воздуха становилась всё выше, и лето наконец вошло в полную силу. Походы на речку сделались каждодневными. Это были особенные

моменты — те, что остаются в памяти на всю жизнь: беззаботные, звенящие смехом, пропитанные солнцем. Вода притягивала к себе, как магнит. Узкая, извилистая речушка за селом была неглубокой, с песчаным дном и заросшими ивой берегами, и в самые жаркие часы там собиралась вся окрестная молодёжь. Окунуться с головой, выскочить на берег, дрожа от внезапного холода, и сидеть в мокрой одежде, пока солнце не высушит ткань, а потом снова броситься в воду — это было любимым занятием Таиры и её подруг. Они болтали обо всём на свете, плели венки из одуванчиков, строили планы на будущее, и в эти часы мир казался бесконечно прекрасным и простым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.